

Т. И. Мицук

«Гляди — он доктор философии...»¹: особенности интеллектуальной прозы В. Кантора (на примере сборника «Наливное яблоко»)

Аннотация: интеллектуальная проза доктора философских наук Владимира Кантора, резко выделяясь на фоне современной литературы, заслуживает особого внимания литературоведов. В статье предпринята попытка определить особенности прозы В. Кантора. Был проанализирован новый сборник «Наливное яблоко». В результате исследования автор делает вывод, что одной из главных особенностей прозы философа является интертекстуальность его произведений. В статье рассматриваются рассказы, не печатавшиеся ранее в формате книги. Более подробно был изучен рассказ «Смерть пенсионера», представляющий наибольший интерес для исследования. Особое внимание было уделено структуре сборника, которая играет определенную роль: уже знакомые по прежним публикациям произведения подсвечиваются новыми и все вместе начинают звучать иначе, чем по отдельности.

Ключевые слова: культурология, литературоведение, интертекстуальность, нарратив, сборник, проза, интеллигенция, рассказ, философия, Владимир Кантор.

Художественные тексты доктора философских наук Владимира Кантора многозначны и многослойны. Его новая книга «Наливное яблоко» — прекрасный объект для выявления особенностей его прозы.

«Наливное яблоко» представляет собой сборник рассказов и повестей, многие из которых печатаются уже не в первый раз. Главная особенность сборника и состоит в том, чтобы произведения, звучавшие по отдельности как партии для разных музыкальных инструментов, под одной обложкой слились в единую слаженную симфонию.

При чтении рассказов и повестей Владимира Кантора не может не возникнуть соблазн анализировать реминисценции и аллюзии, скрытые и прямые, которые тонкими нитями пронизывают ткань текстов. Искусственному читателю не составит труда обнаружить влияние У. Шекспира, О. де Бальзака, Ф. Кафки, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Интертекстуальность прозы В. К. Кантора позволяет при анализе обращаться к различным произведениям русской литературы, а не только к тем, которые прямо или косвенно упоминаются в текстах.

Сборник «Наливное яблоко» имеет продуманную структуру: 20 произведений (17 рассказов и 3 повести) сгруппированы в четыре части, которые не только пронумерованы, но и имеют заглавия, соответствующие периодам жизни человека: «Книжный мальчик», «Подросток», «Взрослый» и «Старик». Если три последние — это только стадии взросления, то название первой части может

быть бессознательной (или сознательной?) отсылкой к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором впервые в русской литературе появляется словосочетание «книжный мальчик». Так автор называет сына Карениных Сережу: «Отец всегда говорил с ним — так чувствовал Сережа, — как будто он обращался к какому-то воображаемому им мальчику, одному из таких, какие бывают в книжках, но совсем не похожему на Сережу. И Сережа всегда с отцом старался притвориться этим самым *книжным мальчиком*»² (курсив мой. — Т. М.). Правда, писатели вкладывают в это словосочетание разные значения: у Толстого «книжный мальчик» — это мальчик из книг, у Кантора же — мальчик, погруженный в книги. Да и сложная судьба и душевные терзания героев этой части сборника заставляют задуматься о целесообразности их сопоставления с юным Карениным. Мать сквозного героя первой части зовут Анна, что тоже может быть частью большой, но очень аккуратной и уважительной игры, затеянной автором на площадке русской классической литературы.

На макроуровне (на уровне книги) соблюдается прямая хронология: от детства через юность и зрелость к старости. На уровне отдельной части хронология, однако, нарушается: рассказы, повествующие о разных годах жизни мальчика Бори Кузьмина, идут вперемешку. И, наконец, на микроуровне можно заметить различные формы нарратива — как с прямой хронологией («Наливное яблоко», «Немецкий язык» и др.), так и с нарушенной («Сто долларов», «Смерть пенсионера» и др.).

В рассказе «Няня» речь идет о конфликте социальных слоев, об их непримиримости и полном

¹ Из эпиграммы Б. Пастернака на Н. Гартмана. См.: Пастернак Б. Л. Полное собрание стихотворений и поэм / Вступ. статья В. Н. Альфонсова; Состав, подготовка текста, примеч. Е. В. Пастернак и В. С. Баевского. СПб.: Академический проект, 2003. С. 565.

² Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22-х т. М., 1978–1985. Т. 8.

взаимонепонимании. Это «история про деревенскую тетку»³, которая должна была «рассказывать народные сказки, прибаутки и песенки» (с. 349) маленькому мальчику из типичной интеллигентской семьи. Няня нужна была родителям мальчика, чтобы «у них появились не только дни и ночи для библиотеки и работы, но и свободные вечера, даже свободные ночи, которые <...> могли просиживать у друзей за выпивкой, анекдотами, разговорами, играми в буриме и т. д.» (с. 350). У читателя по ходу чтения возникают вопросы. Почему прошедшая войну крестьянка из Белоруссии, мать двоих детей, не может стать маленькому Тимке Ариной Родионовной? Не потому ли, что тяжелое прошлое и не менее нелегкое настоящее убили в ней все человеческое, оторвали ее от какой бы то ни было культуры? Почему родители мальчика так долго терпят рядом с собой это странное существо? Нет, конечно, «баба Доня» более подходящий вариант для ребенка, чем сомнительная особа из Александра с бумагой об освобождении, но все-таки? Автор не дает ответа на эти вопросы, предлагая читателю найти ответ на них самому.

В прозе В. Кантора брат зачастую — не кровный родственник, а совершенно посторонний человек, который оказывается ближе и роднее; братство, о котором мечтал Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых», оказывается возможным с кем угодно, но не с собственным братом. Так обстоит дело и в маленькой повести «Сто долларов».

Во многих произведениях В. К. Кантора действуют одни и те же персонажи. Персонаж, вскользь упомянутый в одном произведении, в другом может стать полноценным героем, вокруг которого концентрируются события рассказа или повести. Это довольно странно в рамках разных произведений, но вполне объяснимо.

Наверное, так бывает, когда автор задумал глобальную вещь, эпопею в духе Л. Н. Толстого, в которой бы разворачивались несколько сюжетных линий и на фоне больших исторических событий действовали несколько разных семей одного круга. Л. Н. Толстой тоже шел к большим вещам постепенно, включая одного и того же персонажа в разные произведения. Главный герой романа «Воскресение» Дмитрий Нехлюдов, например, как проходной персонаж впервые появляется в «Отрочестве». В «Юности» героя по имени Дмитрий Нехлюдов Толстой делает старшим другом главного героя повести Николеньки Иртеньева. Имя Дмитрия Нехлюдова появится у Толстого также в рассказах «Люцерн» и «Утро помещика», пре-

³ Кантор В. К. Наливное яблоко. Повествования. М.: Летний сад, 2012. С. 348. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

жде чем он станет героем большого произведения — романа «Воскресение». Аналогичный прием пользовались Бальзак в «Человеческой комедии» и Фолкнер в своей «Йокнопатофской саге». Так было и в произведениях А. И. Солженицына. В современной отечественной прозе этим приемом пользуется, пожалуй, только Владимир Кантор.

Автор пишет единый текст, в котором герои переходят из повести в рассказ, из рассказа в роман, из романа в сказку и т. д. Неизвестно, что в конечном итоге выйдет из этого текстового материала, а пока этот замысел до конца не реализован, автор отдает на читательский суд фрагменты своего будущего полотна. В. Кантор уже не в первый раз пытается объединить мозаичные осколки своего мегатекста в подобие гармоничной мозаики. Такой попыткой была вышедшая в 2010 г. книга «Смерть пенсионера», включавшая в себя автобиографическую повесть «Два дома», роман «Крокодил» и рассказ «Смерть пенсионера». Такой попыткой стало и «Наливное яблоко». Организовывая сборники по хронологическому принципу (от детства к старости), выводя на первый план то одного, то другого героя, автор пытается заставить заиграть свою мозаику яркими цветами, сделать ее объемной (для этого и даются взгляды разных героев). Но она не играет, или играет, но недостаточно ярко — видны лакуны, ощутимо отсутствие выдоха.

Заключительный рассказ «Смерть пенсионера» можно было бы считать тем самым выдохом, но это выдох в рамках лишь одной сюжетной линии, остальные повисают в воздухе, остановившись на вдохе. Рассказ представляет наибольший интерес для анализа не только по причине концентрированной интертекстуальности, но и за счет многослойности тем, поднятых в нем, причем социальная тема далеко не самая важная.

Странно, что рассказ, главное действующее лицо которого уже фигурировало в более ранних «Соседях» и «Фазановой», не содержит, как эти произведения, пометки «Из цикла «Столкновения»». Ничего не поделаешь: воля автора есть воля автора.

Нарратив рассказа «Смерть пенсионера» двойствен: с одной стороны, порядок действий в нем прямой: читатель наблюдает за героем с момента его пробуждения до его смерти, с другой стороны, в повествование включены воспоминания, прошлые разговоры и и минувшие события. «Смерть пенсионера» — это продолжение одновременно двух тем русской литературы: темы «лишнего человека» и темы «маленького человека».

Удачно, что рассказ «Смерть пенсионера» помещен в сборник «Наливное яблоко»: яблоко стало причиной смерти Грегора Замзы — героя рассказа Кафки «Превращение», к которому в тексте есть

прямая отсылка: «Он лежал на спине и чувствовал себя Грегором Замзой, неожиданно превратившимся в насекомое-паразита. “Ungeziefer”, — вспомнил он немецкое слово. Неужели пенсионеры сродни паразитам?» (с. 412). Никто не защищен от того, что однажды он может проснуться насекомым. Никто не защищен и от того, что однажды он может проснуться пенсионером. Не фактически, не по достижении пенсионного возраста, а по состоянию души.

Герой рассказа (или маленькой повести) «Смерть пенсионера» Павел Вениаминович Галахов (имеет ли он какое-нибудь отношение к Глебу Марковичу Галахову — герою повести «Сто долларов»? Кто он ему? Дядя? Однофамилец?), уже знакомый читателю по рассказам из цикла «Столкновения», не хочет верить, что его любимая женщина умерла. Он верит, что она уехала в Америку. Так ему проще и удобнее — так менее больно. Это чистое упрямство — детское, чистое и несгибаемое. Веря, что от него всего лишь уехали, веря, что границы между душами только пространственные, подсознательно, сам того не осознавая, он дарит себе надежду, что она уехала не навсегда. Она не вернется, но она *может* вернуться. Он верит в это так неистово, что заражает и читателя.

Читатель с легкостью вспомнит ряд произведений, названных сходным образом: «Смерть Поэта» Лермонтова, «Смерть Ивана Ильича» Толстого, «Смерть чиновника» Чехова, «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина. Раз уж помянута смерть, то понятно, что читатель видит полюбившегося (а может быть, и нет) героя в последний раз.

Почему писатель убивает своего героя? Потому что надоел? Потому что сказано о нем все, что хотелось сказать? Или потому что герой вышел из-под контроля? У Владимира Набокова в романе «Прозрачные вещи» есть интересное обращение автора к своему герою: «А, вот и нужный мне персонаж. Привет, персонаж! Не слышит»⁴. Вот такой, не слышащий своего автора персонаж — Павел Вениаминович Галахов.

Герой не слышит своего автора, который пытается говорить с ним языком его друга Лени Гаврилова: «Старичок, мы должны держаться. Жизнь ведь продолжается. <...> Нас еще рано в утильсырье. Слышал про Давида Дубровского, из ваших, из гуманитариев? Ему семьдесят четыре, а жене двадцать четыре, они уже ребенка сделали. И мы, старичок, должны держаться. Главное — не раскисать!» (с. 418).

Галахов не может и не хочет «держаться» — он резко отпускает себя и тем самым словно перерезает

державшую его нить. Он «ушел из университета на пенсию. Не стало сил говорить с кафедры, вчерашний любимец совсем потерял контакт с аудиторией. Неинтересно стало готовиться. Да и сил не было в переполненном метро ехать к первой паре. <...> А тут еще дождь, значит, — раскрывать зонт и минут двадцать по лужам до здания универа, когда в голове еще туман от недосмотренного сна...» (с. 408). Резкая, на полном скаку остановка лошади опасна и для всадника, и для самой лошади. И Галахов, будучи одновременно и всадником и лошадью (недаром в рассказе приводится сцена просмотра ночью вестернов), сходит с дистанции.

Правильный мир прозы В. Кантора в рассказе «Смерть пенсионера» меняет полярность: смещаются полюса. Женщина берет в свои руки, под свой контроль сложившуюся ситуацию, пытается решить непосильную задачу. Женщине снова приходится быть воительницей и завоевывать для «своего счастья» уют: «Работать при этом ей приходилось много. Она преподавала в двух областных вузах, переводила с английского за деньги какие-то научно-популярные книги, да еще в НИИ имела полставки. И все равно денег хватало от зарплаты до зарплаты. <...> Даша бегала по всем этим работам, хотя ее мучило давление и, что хуже, какие-то женские неполадки. Иногда головы поднять не могла, но вставала и говорила: “Пока человек ходит, он должен работать. Мне же деньги за это платят. Откуда мы их ещё возьмем?”» (с. 411–412). А «мужчина по имени Золушка» (с. 413) не может преподавать, да и вообще жить. После выхода на пенсию он постепенно начинает угасать, таять как свечка. Пока была жива Даша, по сути, его третья жена, он еще мог существовать (именно существовать, а не жить). Но после смерти Даши его жизнь потеряла смысл окончательно. Прежний смысл потерян, новый — не найден. Жить больше незачем. Да и не хочется. Депрессия перерастает в апатию, и уцепиться не за что. Существование превратилось в доживание. Человеку становится неинтересно жить — и ничто не в силах остановить начавшийся процесс угасания, катализатором которого становятся отношение государства к пенсионерам и смерть любимой. Той самой любимой, вспоминая ночи с которой, он когда-то «морщился от гадкого самоощущения, что он обманщик, что вовсе не нужна ему эта девочка, что произошло это так, а она вроде бы влюбилась, хоть и говорила, что *все понимает*»⁵ (курсив автора. — Т. М.). Спустя вместе прожитые годы оказалось, однако, что нужна. Как воздух.

То, что государству не нужны ни пенсионеры вообще, ни умный и талантливый Галахов в част-

⁴ Набоков В. В. Собр. соч.: В 10 т. Американский период: В 5 т. Т. 5: Прозрачные вещи. Смотри на арлекинов. Память, говори. СПб.: Симпозиум, 2003–2006. С. 5.

⁵ Кантор В. К. Записки из полумертвого дома. Повести, рассказы, радиопьеса. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 184.

ности (а чем он, собственно, лучше других?), — понятно: достаточно сопоставить пенсию среднестатистического российского пенсионера и «прожиточный минимум». Дело, однако, не в этом. Галахов перестает быть нужным самому себе. Причем до такой степени, что позволяет себе малодушие: «Зачем мои книги о толерантности, о наднациональной идее России, когда в Москве и Питере убивают таджикских девочек, убийц оправдывают, в крайнем случае дают срок как за мелкое хулиганство, а молодые скинхеды кричат об уничтожении всех нерусских?» (с. 417). Он не может ответить себе, зачем прожил жизнь, — все обесцветилось. Даже книги. И не только свои.

Если смерть не строитель, что тогда строитель? И почему интеллигент, философ, в конце собственной жизни потерявший ее смысл, учит других, как нужно жить? Имеет ли он на это право? «Своего слова, которое требовало бы развития, у него не было. Были точные наблюдения, угадывающий анализ, из этого системы не построишь» (с. 413). А нынешняя Система жестока. Ей нужно Слово. Ей не нужны «книжные мальчики». И уж тем более ей не нужны выросшие «книжные мальчики», сомневающиеся в себе. Они — лишние, лишние в том мире, где правят неблагодарные, но, к счастью, начитанные карьеристы.

Когда в ненужности выросших «книжных мальчиков» не сомневается общество, это почти норма. Но когда в собственной нужности начинают сомневаться интеллигенты, это уже патология. Это и есть тот самый показатель уровня зараженности окружающего мира, который автор пытается показать своим произведением. Герои В. Кантора — из узкой прослойки (и пребудет такою вовек) общества, конструирующей свой собственный мир и живущей в нем. Выход из этого мира чрезвычайно опасен, поскольку его законы не работают в мире реальном, где властвует Система. Контакт с последней (тот же выход на пенсию, например) может обернуться гибелью. В барочном романе В. Кантора «Крепость» есть глава «Существо с Альдебарана»⁶. Интеллигенты в современном мире и есть эти вземные существа. У них нет иммунитета на Систему, потому и погибают они в одиночестве.

Рассказ «Смерть пенсионера» печатается не впервые, но сборник «Наливное яблоко» — наиболее удачное обрамление для него.

Автор сам обозначает жанр своего произведения: *рассказ, повесть* или же *маленькая повесть* (как в случае со «Ста долларами» — повестью, состоящей из пяти глав, которая в 2011 г. была напечатана в журнале «Звезда»). Некоторые рассказы содержат подзаголовки, указывающие на циклизацию. Рассказ «Знакомая

девочка, или Как сверкают пятки», например, помимо указания жанра, содержит отсылку к циклу: «Из цикла “Детское-недетское”», а рассказ «Фазанова» — Из цикла “Столкновения”». К такому приему некогда прибег В. А. Жуковский, поставив под стихотворением «Невыразимое» краткое обозначение его вырванности из контекста — «Отрывок», чтобы заинтересовать читателя, завлечь его, заинтриговать. В. Кантору этот прием необходим, чтобы показать, что у его героев есть прошлое. А раз есть прошлое, то возможно и будущее. Читатель, которому придет в голову такая мысль, будет прав в том, что во всем этом все же присутствует идея интриги. Но он будет и не прав, потому что некоторые циклы раньше уже печатались.

Проза В. Кантора — это мир, в котором можно укрыться от реальности, спрятаться от окружающего мира, найти ответ на мучающий вопрос. Это мир, в котором есть свои сложности, но мир этот *правильный* — в нем работают законы, которые зачастую не работают в реальности, — законы совести и справедливости. Одной из отличительных черт прозы В. Кантора является тонкий и болезненный психологизм, приправленный натурализмом. Проблемы, затрагиваемые автором, могут показаться читателю невероятно знакомыми — срабатывает принцип остаточной памяти: проблема мучительного взросления — и мостик сразу перебрасывается к «Подростку» Достоевского; проблема вражды между братьями — мостик к «Братьям Карамазовым».

Сквозной темой произведений В. Кантора является судьба советского (а затем и российского) интеллигента, причем это интеллигент определенного типа. Главный герой его произведений почти всегда имеет филологическое или философское образование, почти всегда преподаватель и профессор, почти всегда женат вторым или третьим браком, почти всегда имеет двоих детей (сына и дочь), почти всегда находится в напряженных отношениях с братом, который у него почти всегда имеется. Несмотря на то, что автобиографической, по признанию автора, является только повесть «Два дома», возникает соблазн считать автобиографическими и другие его произведения. Но это будет толстовский псевдоавтобиографизм, основанный на умении писать так, что у читателя возникает ощущение, что все описанное было на самом деле и что герои произведений — живые люди.

Новая книга прозы В. Кантора «Наливное яблоко» интересна не только своим содержанием, но и структурой: уже знакомые по прежним публикациям произведения подсвечиваются новыми и все вместе начинают звучать иначе, чем по отдельности.

Проза В. Кантора — проза интеллектуальная, она заставляет читателя задумываться, что в условиях современной жизни случается довольно редко.

⁶ Кантор В.К. Крепость. Роман. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 46.

Список литературы:

1. Кантор В. К. Записки из полумертвого дома. Повести, рассказы, радиопьеса. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Кантор В. К. Крепость. Роман. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
3. Кантор В. К. Наливное яблоко. Повествования. М.: Летний сад, 2012.
4. Набоков В. В. Собр. соч.: В 10 т. Американский период: В 5 т. Т. 5: Прозрачные вещи. Смотри на арлекинов. Память, говори. СПб.: Симпозиум, 2003–2006.
5. Пастернак Б. Л. Полное собрание стихотворений и поэм / Вступ. статья В. Н. Альфонсова; Состав, подготовка текста, примеч. Е. В. Пастернак и В. С. Баевского. СПб.: Академический проект, 2003.
6. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985. Т. 8.

References (transliteration):

1. Kantor V. K. Zapiski iz polumertvogo doma. Povesti, rasskazy, radiop'esa. M.: Progress-Traditsiya, 2003.
2. Kantor V. K. Krepost'. Roman. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004.
3. Kantor V. K. Nalivnoe yabloko. Povestvovaniya. M.: Letniy sad, 2012.
4. Nabokov V. V. Sobr. soch.: V 10-ti t. Amerikanskiy period v 5-ti tomakh. T. 5: Prozrachnye veshchi. Smotri na arlekinov. Pamyat', govori. SPb.: Simpozium, 2003–2006.
5. Pasternak B. L. Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem / Vstup. stat'ya V. N. Al'fonsova; Sostav, podgotovka teksta, primech. E. V. Pasternak i V. S. Baevskogo. SPb.: Akademicheskii proekt, 2003.
6. Tolstoy L. N. Sobr. soch.: V 22-kh t. M., 1978–1985. T. 8.